К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МЕСОПОТАМИИ VI в.

Н. В. Пигулевская

I. Социальное расслоение

Вопрос о причинах легкого и быстрого завоевания арабами Передней Азии, в частности Междуречья, может быть успешно разрешен только путем детального рассмотрения социальных и экономических отношений, господствовавших в предшествующий завоеванию период. В пестром этническом составе областей, входивших в состав Ирана по одну сторону границы и Византии по другую ее сторону, сирийцы составляли одну из наиболее мощных групп. В VI и VII вв. сирийский был литературным языком, распространенным в качестве дипломатического и торгового языка далеко за пределами Месопотамии. Сирийские источники этого времени сохранили немало ценных сведений, вскрывающих самую сущность социальных отношений и экономических связей. Для отдаленных восточных провинций греческие хронографы, сосредоточенные, главным образом, на интересах столицы, не дают такого материала. Между тем, терминология сирийских источников VI в. сама по себе говорит о господствовавших общественных формах. Дать греческие и латинские эквиваленты сирийским терминам, истолковать их, сопоставить с соответствующими данными—значит определить их действительное значение и поставить их в связь с эпохой.

Говоря о производителях в деревне, хроники называют их akare и palahe[1]. Упоминая одновременно эти две категории лиц, хронист, очевидно, имел в виду какое-то различие между «земледельцами и крестьянами». Термин palaha, в позднейшем арабском произношении феллах, происходит от общесемитического корня plh. Глагол имеет общий смысл «работать», но, в частности, определяет выполнение земледельческой работы[2]. Глагол akr в более узком смысле, применяется только к работе, производимой на земле, иногда обозначает «пахать», имея общий корень с халдейским ikkar. Существительное akara это arator, agricola[3]. Термин palaha—крестьянин—имеет оттенок прикрепленного, ограниченного в правах производителя. В сирийском переводе библии сопоставление «свободные и рабы» передано, как hire ve palahe, хотя для обозначения раба более обычно слово abda от общесемитического корня 'abd. В хронике Иешу Стилита

[1] Иешу Стилит, § 45 (Wright—The chronicle of Ioshua Stilite composed in syriac a. d. 507, Cambridge, 1882).
[2] Payne Smith—Thesaurus Syriacus, t. II, p. 3151.
[3] Ibid., t. I, p. 190.

одновременное упоминание «земледельцев и крестьян» могло иметь в виду различие между прикрепленными и свободными производителями. Хронист середины VI в. Захария Митиленский делает различие между palahe ve abde—крестьянами и рабами, упоминая их одновременно при работах в 503 г. под крепостью Дара. Таким образом, palaha противопоставляются и рабу и свободному земледельцу[1].

Те же особенности терминологии можно найти и в юридических памятках. Сирийский Законник, представляющий собою сборник доюстиниановского права, был переведен с греческого на сирийский в последней четверти V в. Подлинник до настоящего времени не найден, но послесловие в сирийских рукописях сообщает, что перевод сделан с «ромейского», т. е. с греческого, языка и содержит «законы и приказы гражданские», установленные императорами Константином, Феодосием и Львом[2].

Законник, говоря о земледельческом населении, также делает различие в терминах. Крестьянин, живущий в селении, пользующемся самоуправлением, называется просто «муж»—gabra, тогда как приписной крестьянин назван palaha. Одна из статей Законника запрещает принимать беглых приписных. Термин «приписной» ἐναπόγραφος—транскрибирован в старейшем Лондонском списке сирийскими буквами и оставлен без перевода[3]. Парижская рукопись Законника снимает всякое подозрение в том, что смысл этого слова был непонятен сирийцу, так как он толкует его вполне правильно. «Если же кто примет мужа крестьянина (gabra palaha), который ему не принадлежит, который записан за другими и ἐναπόγραφον, и если он примет его, зная, что он крестьянин другого, то..»[4].

Термин ἐναπόγραφος — adscripticius—разъяснен здесь, как приписанный или записанный за владельцем крестьянин; сохранено рядом и греческое слово, которое, однако, успело утерять свою правильную транскрипцию Лондонского списка.

Законник, следовательно, знает «palaha ἐναπόγραφον» — приписного крестьянина, записанного за владельцем, на земле которого он сидит. Это—крепостной, не имеющий права покинуть свой участок. В таком положении, для целей фиска, колон вместе с землей, которую он обрабатывал, учитывался государством и попадал в податной цензовый список, составлявшийся на землевладельца. Участок приписного колона числился, следовательно, за собственником, а сам колон, не имея непосредственной связи с государством, становился в положение, близкое к положению servi rustici. Приписной, оставивший своего владельца, считался беглым, и принимать его было запрещено законом так же, как беглого раба[5].

Хотя закон Анастасия делает различие между положением рабов и приписных, но фактически эти границы стирались. В 530 г. разницы между

---

[1] Zachariae Rhetori—Historia, ed. Brooks; CSCO, s. III, t. VI, p. 36.

[2] «Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert», ed. Bruns und Sachau. Leipzig, 1880; Codex L., p. 36; «Syrische Rechtsbücher», ed. Sachau, B. I, B., 1907; Codex R_1, p. 4.

[3] Ibid., Cod. L., § 50, p. 15 ἐναπόγραφον. Сириец транскрибирует термин в среднем роде.

[4] Ibid., Cod. P., § 28, p. 48.

[5] «Syrisch-römisches Rechtsbuch», Cod. L., § 49, 50, p. 15; Cod. P., § 28 a, p. 48. Соответствуют Cod. Theod., 5, 9, 1, 2 и Cod. Just., XI, 48, 12. В сирийском тексте имеется ошибка; в наказание за прием беглого раба или приписного закон предлагает укрывателю самому сделаться приписным у владельца беглого. Cod. Theod. и Cod. Just. предлагают дать взамен другого приписного.

рабами и приписными Юстиниан не видит. «Как же понимать разницу между рабами и приписными, когда и те, и другие находятся во власти своего господина, который может раба выгнать со своим скарбом, а приписного прогнать со своей господской земли»[1]. В положение приписных попадали обычно самые неимущие, которые обрабатывали землю орудием и скотом владельца, ютились в помещении, предоставленном собственником. Рента выплачивается ими натурой, а того, что остается, нехватает на пропитание. Создается полная зависимость крепостного от владельца, от domini potestas. Приниженное положение приписного, совпадающее с положением раба, в полной мере сказалось в законах о беглых. Невыносимые условия жизни, задолженность, голод, непосильное бремя налогов заставляли колонов, как и рабов, бежать от господина.

Сирийский Законник содержит большое количество статей, трактующих о рабстве. Нет сомнения, что и в Месопотамии рабы были причастны к земледельческому труду и сидели на земле господина в качестве servi rustici.

Рабство сосуществует колонату, о чем свидетельствуют Законник и сирийская хроника Захарии Митиленского. Эта последняя при постройке стены города Дары упоминает в числе работавших там одновременно рабов и крестьян (abde ve palahe)[2].

Поддерживалось и росло рабство отчасти естественным путем, т. е. дети рабов и рабынь делались рабами, как и свободные женщины, делаясь женами рабов, попадали в рабское положение. Во время войн военнопленных массами обращали в рабство[3]. Немалую роль играли продажа в рабство за долги, самопродажа, рабство вследствие невозможности выплатить заимодавцу долг и т. п. Сирийский Законник знает этого рода экономические факторы, приводившие к рабству; он предусматривает положение, когда продающий себя растрачивает деньги, за которые он себя продает, или ту часть, которая ему выделяется посредником при продаже. Таким образом, рабство бывало следствием экономически безвыходного положения: человек вовлекался в него, гонимый голодом и нуждой. «Проевший» себя человек делался рабом, и закон, стоявший на страже интересов имущего класса, санкционировал это положение и он должен был «оставаться рабом»[4].

Замечательно летописное сирийское свидетельство относительно одной из беднейших групп зависимого сельского населения—париков. Хроника Захарии Митиленского знает на епископской земле париков в крепостном состоянии. Она называет их taut'be—присельники, или насельники, от общесемитического корня itb—сидеть. Термин taut'be соответствует греческому πάροικοι—парики.

Законодательные памятники более позднего времени постоянно упоминают πάροικοι, δουλοπάροικοι, κληρικοπάροικοι[5]. В агиологической литературе и актах они являются крепостными на церковных и монастырских землях. В новелле Юстиниана, регламентирующей эмфитевзис и трактующей о церковной собственности, есть ссылка на παροικικὸν δίκαιον—ius colonarium[6].

---

[1] Cod. Just., ed. Krüger, XI, 48, 21, p. 422.

[2] Z a c h a r i a e R h e t o r i—Historia, ed. Brooks; CSCO, s. III, t. VI_2, p. 36.

[3] При взятии Амида Кавадом персы массами уводили население в плен, обращая в рабство.

[4] Cod. L., § 73, p. 19.

[5] D u C a n g e—Glossarium, t. I, col. 1122.

[6] Novellae, ed. Schoell, 120, c. I, p. 578.

Сирийская хроника сообщает о земле и селении krita, бывших церковной собственностью, где сидели парики в качестве крепостных. Они названы taut'be—присельники, или насельники. После войны с Кавадом, желая отстроить, как крепость, небольшой пограничный городок Дару (503 г.), Анастасий выкупил у Фомы, епископа Амидского, селение под этим городом. Всех насельников (taut'be) церковной земли Анастасий «освободил и утвердил за каждым его землю и двор»[1]. Парики перестали быть крепостными на землях, принадлежавших церкви, перестали быть κληρικοπάροικοι, употребляя выражение, впоследствии применявшееся к такого рода крепостным. Они были «освобождены». Земля, которую они продолжали обрабатывать, принадлежала теперь государству. Каждому был предоставлен надел земли и «двор», т. е. участок для дома и хозяйственных помещений.

Класс землевладельцев сосредоточил в своих руках большие имения, часть которых принадлежала императорскому дому.

Римские и византийские императоры имели в азиатских провинциях собственные земли. Законом 386 г. отмечены «fundi patrimoniales per Mesopotamiam et Osroenam provinciam»[2]. «Fundi patrimoniales»—обычное название императорских земель; здесь они указаны находящимися за Евфратом. Собственные имения эдесских царей после завоевания перешли к римским императорам.

Большие пространства земель находились в руках знати. Верхушка города состоит из людей, которых хроники называют «богатыми», «большими», «именитыми». Raura bane, от общесемитического корня rab —большой, богатый, являются крупными землевладельцами.

Летописец ту часть высшего класса, которая несла административные функции, называет rišane—старшины, «главы» в точном переводе. Это слово могло бы заменять и термин начальник. Один из представителей знати в Амиде, причастный к административным обязанностям, носит звание βουλευτής, транскрибированное по-сирийски. Нет необходимости считать его за столичного сенатора; это был крупный местный архонт[3]—«первенствующий», занимающий одно из первых мест в списке членов городского совета. Составляя городскую курию, члены его были ответственны перед государством за подать с области, тяготевшей к городу. Когда члены совета города Амида потребовали у персидского царя Кавада добавочных денег за потраву и взятые его армией продукты и хлеб в деревнях, они защищали прежде всего свои интересы[4]. В уплате они были заинтересованы как крупные землевладельцы и как члены городского совета, куриалы, которые должны были отвечать за поступление податей.

Во время войны Ирана с Византией области Осроену и Месопотамию наводнило большое войско, высланное на персидскую границу. Расквартирование войск находилось в руках местных старшин—rišane bnai atra. Летописец словом rišane мог обозначить начальствующих, старшин вообще; добавив bnai atra, он определил их, как местных людей, желая избежать неправильного представления о них, как о пришедших с войском или посланных из центра людях[5]. Распоряжались, следовательно, в этом случае

[1] Zachariae Rhetori—Historia, VII, c. 6, p. 36.
[2] Cod. Just., XI, 62, 8. См. также А. Удальцов—Социальная история средневековья, т. I, стр. 19, М., 1927.
[3] Du Cange, t. II, p. 670 (βουλευτής decurio, curialis).
[4] Zachariae Rhetori—Historia, p. 25.
[5] Ioshua, § 86, стр. 81.

местные владельцы, виднейшие, богатейшие представители городской общины, которые ведали и другими административными делами в городе и области.

Вполне понятно, что им удалось тяжелую повинность постоя переложить на городских ремесленников и крестьян ближайших к городу деревень, избавив от нее землевладельцев. Летописец жалуется еще и на их безудержное взяточничество, которым они раззоряли всех. Обещая избавить от постоя, они вымогали взятки, а так как их давали все, то они ставили на постой солдат, несмотря на полученную мзду.

В законе Анастасия о хлебных поставщиках «первенствующие из собственников» участвовали в избрании поставщика, от которого зависело снабжение хлебом беднейших слоев города[1]. В переговорах с центральной властью, с подступавшим врагом они играли решающую роль. Это крупные собственники, интересы которых сосредоточены вокруг земли, но жизнь и деятельность которых протекает преимущественно в городе.

За Евфратом крупными землевладельцами были также епископы и монастыри. Приведенный выше текст сирийца Захарии Митиленского сообщает о селении, принадлежавшем епископу. Уцелевшие развалины говорят о целых крепостях-монастырях, окруженных садами, плодовыми деревьями, оливковыми рощами. Хроника Иешу Стилита называет ряд церквей и монастырей под самой Эдессой, среди виноградников и плодовых насаждений. Агиологическая сирийская литература отмечает работу рядовых монахов на полях и виноградниках, где они в послушание несут крестьянский труд (paaluta)[2].

С IV в. отказы по завещанию в пользу церквей и монастырей и предприимчивость последних в увеличении своей недвижимой собственности приняли неудобные для государства размеры. Навстречу шло движение крестьянства, искавшего патрона для защиты от тягостных требований фиска. Выкуп селения у епископа государством изменил положение париков, сидевших на этой земле. Они остались теперь на земле, принадлежавшей государству, на отведенных им участках.

В хронике Иешу Стилита неоднократно упоминаются «деревенские господа»—mari kurie[3]. Этот социальный слой противопоставляется низшему городскому и сельскому населению, «простым из народа»—kutna de mencata. Средние землевладельцы, на которых лежала ответственность за подати перед государством—«деревенские господа»,—были тем насосом, при помощи которого высасывалась рента из непосредственных производителей. Их, как владельцев земли, касалось облегчение, которое приносилось отменой подати (συντέλεια) в особых случаях, во время войн и стихийных бедствий. Но сами «деревенские господа» выжимали ренту у своих колонов, независимо от подобных уступок государства. Представитель центральной власти—эгемон—с них требовал подати натурой и деньгами и в случаях неисправности прибегал к суровым мерам; он «хватал» «деревенских господ» и «причинял им великие мучения», вымогая подать. Райт[4] сопоставляет «деревенских господ» с дехканами Ирана Сасанидов.

---

[1] Cod. Just., ed. Krüger, X, 27, 3, p. 408.

[2] G. Hoffmann—Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer. Mar Giwargis, p. 104;«Abhandlung für die Kunde des Morgenlandes». B. VII, 3, Leipzig, 1880.

[3] Chronicle of Ioshua Stylite, § 39, p. 35.

[4] Ibid., Transl., p. 29.

Дехканы, низший дворянский слой, были одной из основ экономической жизни Персидского государства, так как, имея земельную собственность, они несли ответственность за подать. Имея в виду это обстоятельство, правительство стремилось их щадить. Так, Хормизд (579—590) в распоряжении, запрещающем войскам обижать мирное население, упоминает дехкан. Сближение, которое делает Райт, справедливо, так как и в Иране и в Византии вопрос идет о том же слое средних землевладельцев. Но в истории аграрных отношений этому вопросу внимания не уделено. Между тем, несомненно, этот социальный слой имеют в виду новеллы Юстиниана, в которых упоминаются δεσπόται τῶν γεωργῶν или просто δεσπόται в сочетании с приписными колонами[1]. Живые подробности, которыми охарактеризованы эти землевладельцы сирийской хроникой (в вопросе о податях и других повинностях в особенности), в греческих источниках отсутствуют. Характерно, что как термин mari curie, так и функции их как средних землевладельцев пережили арабское завоевание. Акад. И. Ю. Крачковский указывал, что в эпоху халифата встречается термин ruassa rišana, соответствующий по своему смыслу «деревенским господам» сирийской хроники византийской эпохи.

Основное население города хрониками называется umane. Это ассирийское ummanu соответствует латинскому opifex, artifex, fabricator[2]. Так могут быть названы искусные, испытанные в каком-либо производстве мастера, кустари, ремесленники. Но umane в словоупотреблении V в. не представляют собой единого сословия. Ремесленником—umana—источники называют и неквалифицированного, несущего наиболее тяжелый, полурабский труд рабочего, и кустаря, имеющего мастерскую и лавку, где он сбывает свой продукт. Рабочими в первую очередь были все работавшие на постройках и сооружениях: каменотесы, каменщики, кровельщики. Кузнецы и работающие с металлами бывали заняты на таких сложных сооружениях, как шлюзы на Дайсане, которые были обшиты железом и снабжены запорами. Имевшие вьючных животных были заняты всеми видами перевозок. Собственность такого рода рабочих могла заключаться только в примитивном орудии производства и животном—осле, собаке, муле. Многие не имели и этого. Тип заработка рабочих—поденный, они «стоят на торжище», ожидая работы. Условия труда были тяжелыми, заработок задерживался, не выдавался, рабочих обсчитывали[3]. Работодатели всячески злоупотребляли преимуществами своего экономического и привилегиями правового положения. На работах были надсмотрщики, которые оплачивались особенно хорошо, так что «карманы их наполнялись». Они, конечно, применяли те способы понуждения и контроля, которые были приняты в суровых условиях, выработавшихся в обращении с рабами. Вербовались рабочие из свободных людей; среди них были отпущенники, немалый процент составляли беглые рабы, колоны, покинувшие свой надел и тяжкие подати.

Анализ терминологии сирийских исторических источников вскрывает сущность господствовавших социальных отношений. Эксплоатация неимущих классов высшими наглядно обнаруживается в способах взимания податей и во всевозможных повинностях.

---

[1] Novellae, ed. Schoell, 80, c. 2, p. 391.
[2] Payne Smith—Thesaurus syriacus, t. I, p. 237.
[3] Zachariae Mityl., ed. Brooks, l. VII, c. 6, p. 36.

II. Подати и повинности

Финансовое ведомство Восточноримской империи, или, по выражению Маркса, «ведомство по ограблению своего собственного народа», занимало центральное место в системе управления. Хроника Иешу Стилита содержит богатый и красочный материал о том сложном и тяжком грузе податей и повинностей, который возлагало правительство Восточной империи на рубеже V и VI вв. на своих подданных. Сама по себе сложная податная система империи усложнялась еще более тем, что в отдельных провинциях она имела свои особенности.

Сирийские источники неоднократно возвращаются к государственным податям, обременявшим как сельское, так и городское население. Они называют их греческим словом, которое транскрибировано в сирийском тексте συντέλεια.

Системы взимания натуральной подати, аннон, в азиатских провинциях Византии я коснулась в статье о податной реформе в Иране в середине VI в[1]. Можно указать еще на следующие свидетельства сирийских исторических источников о податях и повинностях.

Хроника Иешу Стилита отмечает ответственность землевладельца за уплату податей. В 499—500 гг., стремясь выжать подать из разоренной недородом и саранчой области, эгемон действовал через «деревенских господ», которых он «забрал и мучил великими мучениями и наказывал»[2]. Он поступал так сурово и жестоко, что смог послать «золото» в столицу прежде, чем там успели выпросить снижение подати. Скупой Анастасий поспешил оставить деньги у себя.

Отмена подати императором, которой «радовались деревенские господа», не меняла положения непосредственных производителей. Это следует из сообщений Иешу Стилита за 505—506 гг., когда «простые из народа», тяготясь постоем византийского войска, преимущественно состоявшего из готов, «возмущались, кричали и говорили: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, которым о к а з а н а п о м о щ ь этой о т м е н о й п о д а т и»[3]. Такие заявления «простого народа» указывают на то, что облегчения подати касались владельцев и не отражались на тех, кто возделывал землю.

Ответственность за внесение податей крестьянскими общинами селений, не принадлежавших какому-либо владельцу, лежала на них самих. Сдача продукта и выплата денег обычно производилась через старост, sabe, управлявших деревней.

Иешу Стилит, упоминая о податях, оставил свидетельство о надбавке, придаче, ἐπιβολή, одном из способов самого жестокого налогового гнета, имевшем широкое распространение в византийскую эпоху. Сущность этой меры заключалась в том, что землевладелец, неся ответственность за государственные повинности, лежавшие на земле, получал в порядке принуждения отрезки государственной или выморочной земли, за которую он обязывался вносить подать. Подчас это были земли, на которых еще оставались крестьяне, приписные колоны; в таком случае они с землей переходили к соседнему, имущественно более крупному владельцу, который обеспечивал государству поступление податей. Таков общий смысл

[1] «К вопросу о податной системе Хосроя Анушервана», «Вестник древней истории», № 1, стр. 143—153.

[2] I o s h u a, § 39, стр. 35.

[3] Т а м ж е, стр. 85.

ἐπιβολή[1]. В дальнейшем проведение «надбавки» перешло в римскую, а затем в византийскую эпоху. В VI в., для времени Юстиниана, автор «Тайной истории» характеризовал эту принудительную меру как тяжелую для землевладельца. По его словам, Юстиниан не постеснялся к землям, не совершенно опустошенным, присоединить земли, которые были покинуты и помещиками и крестьянами, бежавшими от тягостей[2].

Такие оставленные земли, agri deserti, навязывали по принципу соседства другому владельцу. Принудительно ему давалось право на владение этой землей, а потому он был вынужден отвечать и за подати, лежащие на ней[3]. Эдикт префекта претория Зотика, относящийся к 511—512 гг., т. е. ко времени Анастасия, считается первым четким упоминанием об epibole в Византийской империи[4]. Это не введение нового закона, а некоторые изъятия, сделанные из уже действующего законодательства. Надбавка была распространена повсеместно. Приведенные данные свидетельствуют об этом. Под 811 г. селевкидской эры, соответствующим 499, 500 гг. н. э., хроника сообщает, что епископ эдесский Петр отправился в Константинополь просить о том, чтобы подать Эдессе была облегчена. Тем временем, эгемон принял суровые меры, о которых сообщено выше, и принудил «деревенских господ» выплатить подать, а деньги послал в столицу. «Когда увидал император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но чтобы не отсылать отца нашего (т. е. епископа-ходатая) ни с чем, он снял ἐπιβολαί с деревенских и их стоимость, которую они платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям (разумеются византийские войска)»[5].

Из этого текста следует, что отмена надбавки была значительным облегчением для землевладельцев, так как они получали возможность не выплачивать стоимость податей с этих добавочно навязанных им земель. Такое указание хроники не оставляет сомнения в том, что навязывание пустующей земли распространялась на азиатские провинции так же, как это было давно известно для африканских. Касалась надбавка землевладельцев и свободных крестьянских общин, но не колонов, прикрепленных к земле[6]. Отмена взносов по надбавке облегчала, однако, положение «деревенских господ», землевладельцев, но не производителей в деревне.

На городское население государство налагало ряд обязанностей. Одни из них носили характер повинности, как, например, поставка воды городскому гарнизону, выпечка хлеба для армии, перевозка зерна и других грузов. Особенно тяжелой была денежная подать, так называемый хрисаргир (χρυσάργυρον), выплачиваемый серебром и золотом, вследствие чего ему и было присвоено самое название. Впервые этой податью обложил городское население Константин в 314 г., с тем, чтобы она выплачивалась каждый пятый, юбилейный, год. Она поступала для удовлетворения денежных нужд государства, из которых первой была оплата войска. Хрисаргир фактически взимался при воцарении каждого нового импера-

[1] Monnier—Etude du droit byzantin. L'épibolé («Revue historique», 1892); Ostrogorsky—Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter («Byzantion», 1931, t. 1); Rouillard—L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène («Byzantion», 1935).

[2] Procopius—Anecdota 23_5, ed. Kraschenninnikov, p. 107—108.

[3] Б. Панченко—О тайной истории Прокопия, СПБ, 1898, стр. 142 сл. Новелла 521—523 гг. при Демосфене епархе. Novellae, 166, ed. Schoell, p. 753.

[4] Novellae, 168, ed. Schoell, Berlini, 1904, p. 755.

[5] Ioshua, § 39, стр. 35.

[6] Monnier, l. c.

тора, а затем его повторяли, не ожидая ни пятого, ни даже четвертого года. Такие неожиданные и неравномерные требования особенно тяжело ложились на плательщиков[1]. Обложено этой податью было городское население, причем крупные владельцы к ней не привлекались, так как они платили взносы по земле. Но с тем большей жестокостью взимался хрисаргир со всех остальных и особенно тяжело падал на неимущих. Облагались буквально всякое ремесло, всякая поделка, мастерские, лавки. Облагались владельцы и вьючных животных, лошади, мула, так как они могли быть использованы для работы по перевозкам. Даже с осла и собаки надо было выплачивать пол-кератиона (demisiliqua)[2]. Хрисаргир вносили и блудницы и нищие. Зосима подробно рассказывает о том, чем был хрисаргир для городского населения; взыскивался он с большой жестокостью, так что родителям приходилось продавать детей, делать дочерей проститутками, лишь бы выплатить деньги[3]. Для учета составлялись специальные списки плательщиков, negoticatorum matricula. В кодексе Феодосия[4] хрисаргир упоминается неоднократно, но изъятий из него делается очень мало, во всяком случае с конца IV в. (Валентиниан) те крестьяне и колоны, которые торговали в городе своими собственными продуктами, были от него избавлены. Не платили его врачи и учителя. «Врачи и всяких наук учителя, находящиеся в городах и в области (behora), освобождены от всякой подати: именно, они не платят ни подушную подать (kesef riša), ни хрисаргир и не могут быть принуждаемы быть опекунами сирот и попечителями, так как врачи врачуют тела, а ученые—души»[5]. Сирийскому Законнику известна эта подать. Закон с незначительными вариантами повторяется во многих списках Законника; более поздние из них опускают термин хрисаргир, потому что с его отменой смысл слова был утерян и переписчики его пропускали.

Ненавистный хрисаргир был уничтожен Анастасием. Из византийских летописцев об этом кратко упоминает Иоанн Малала, а Евагрий, уделивший этому много места, сообщает, что при этом были сожжены списки, которые имелись у чиновников фиска для взимания налога[6].

Только с помощью сирийских источников может быть установлена точная дата указа. Эдесская хроника говорит: «В год 809 (498) в месяце ияре (май) отменен был хрисаргирон по всей земле»[7]. Источником Эдесской хроники был Иешу Стилит[8].

О том, насколько обременительна была подать, лучше всего говорит описание этой хроники:

«В тот же год (809=497/98 г. н. э.) вышел приказ Анастасия отменить хрисаргир, который давали ремесленники раз в четыре года, и они были освобождены от подати. И не только в Эдессу пришел этот приказ,

---

[1] RE, Collatio lustralis (Seeck), IV, p. 370—376.

[2] Iohannes Malala, ed. Dindorf, p. 394.

[3] Zosimi — Historia nova, ed. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, p. 96; lib. II, cap. 38.

[4] Cod. Theod., XIII, I, 6.

[5] Bruns und Sachau—Syrisch-römisches Rechtsbuch, 1. I, 116, S. 32; Sachau—Syrische Rechtsbücher, I, 1907, R I, 67, S. 36.

[6] Iohannes Malala—Chronographia, ed. Dindorfus, lib. 16, S. 398; Evagrius, ed. Bidez et Permantier, 1898, III, 39.

[7] Chronicon Edessenum, Corpus scriptorum Orientalium, script. Syri, Series 3, t. 4, p. 8.

[8] Hallier—Untersuchungen über die Quellen der Edessenischen Chronik, Leipzig, 1892, S. 28, 33.

но и во все города ромейского владычества. Давали же эдесситы раз в четыре года сто сорок литр золота»[1].

Если считать литру равной 273 граммам, то выплачиваемые Эдессой раз в четыре года 140 римских литр составляют 38,3 кг золота—сумма, конечно, немалая.

Хронист сообщает и о том, как приветствовали ремесленники уничтожение налога и как торжественно его отпраздновали: «... Радовался весь город; в белое оделись все от мала до велика; неся горящие восковые свечи, дымящиеся курильницы, они вышли с псалмами и песнопениями»; пробыв у храма мар Саргиса и мар Шемона за городом, «они вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселия и постановили, что будут делать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники (umane), омывались и пировали во дворе храма и во всех портиках города»[2]. Помимо выплаты податей и налогов, на городском и сельском населении лежал ряд натуральных повинностей. К числу их относятся, например, обязанности по обслуживанию городского гарнизона обременительной доставкой воды, которая требовала как рабочих рук, так и применения вьючных животных[3].

Во время персидской войны изготовление хлеба в Эдессе стало повинностью всего населения. Для войны с Персией Византия выставила на своей восточной границе большое войско. Дисциплина в этом, преимущественно состоявшем из варваров, войске отсутствовала, оно грабило и обирало мирное население. «Готы», как называют сирийцы эти полки, были грозой в городе и деревне. Прокопий повторяет мнение населения о византийских солдатах, говоря: «издавна у них закон—бояться персов и грабить крестьян»[4]. Армию надо было кормить, и выпечку хлеба пришлось сделать повинностью. Население выпекало солдатский хлеб βουκέλλατον из выдаваемой ему государством пшеницы за свой счет.

В мае 503 г. Аппион епарх прибыл в Эдессу, чтобы заботиться о пропитании войска, которое было с ним. Так как не было достаточно хлеба, выпекаемого хлебопеками, он приказал выдать пшеницу на каждый двор, находящийся в Эдессе, и они делали солдатский хлеб за свой счет[5]. В месяце ияре (май) 504 г. Каллиопа Алеппский стал епархом; он «поселился в Эдессе» и дал пшеницу горожанам, чтобы они выпекали солдатский хлеб. В этот раз они выпекли 850 000 модиев пшеницы. Аппион же был отправлен в Александрию и «там он изготовлял солдатский хлеб и посылал его»[6]. В другом месте Иешу Стилит говорит, что в Эдессе было изготовлено 630 000 модиев, «кроме того, что выпекали деревенские во всей области, булочники-пришельцы (aksenaie) и местные»[7].

Выпечка солдатского хлеба явилась, таким образом, своеобразной принудительной подворной повинностью как для городского, так и для сельского населения. Еще более тяжелой повинностью для населения был постой армии. Расквартированием войск ведала верхушка местной знати—rišane bnai atra. Взятки, которые она брала, не избавляли, однако, никого от постоя. Готские дружины, входившие в состав византийского войска,

[1] Ioshua, стр. 26. Stein—Die Aufhebung der aurilustralis collatio und das ἀερικόν («Hermes», t. 52, 1917, S. 578—583).
[2] Ioshua, стр. 26.
[3] Там же, § 39, стр. 35.
[4] Procopius—De bello persico, ed. Haury, 1905, 1, 9, p. 41.
[5] Ioshua, стр. 52.
[6] Там же, стр. 67.
[7] Там же, стр. 73.

грабили, всячески обижали и мучили население. Об этом подробно рассказывает летописец и в заключение прибавляет, что «ромейские войска пришли под именем спасителей, чтобы помочь нам, а когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как и неприятель»[1].

Вполне понятно, с каким ожесточением должно было население относиться к войску. В свете сообщений сирийской хроники можно по-новому оценить текст Малалы относительно увеличения денежных поступлений с податной земельной единицы (χρυσοτέλεια τῶν ἰούγων). Малала мотивирует это тем, что Анастасий не желал, чтобы войско разграбляло и съедало продукты[2]. Увеличение денежных поступлений устраивало казну, а кормиться войскам совершенно цинично предоставляли за счет населения, которое они обирали. Этим путем государство оберегало свои фискальные интересы, а войско получало продукты питания насильственным путем[3]. В особенно напряженные минуты государство стремилось вознаградить население за потери. В 502—503 гг., в то время как Кавад угрожал Эдессе, стратилат Ареобинд раздал деревенским (kuriaie), которые были в городе, триста динариев[4]. Но такие подарки не могли и временно успокоить население, недовольства которого власть начинала опасаться. В 505—506 гг. массы были доведены до отчаяния. В этом году полководец Роман, носивший звание дукса, расположился со своими войсками в Эдессе и, желая задобрить население, роздал «милостыню бедным». Анастасий, принимая во внимание катастрофическое положение области, освободил от уплаты денежной подати (συντέλεια) всю Месопотамию, и «радовались все деревенские господа и прославляли императора»[5]. Эта мера касалась одного только класса землевладельцев, которым она принесла облегчение, и радовались ей только «деревенские господа». Следствием этого было бурное негодование «простых из народа», требовавших перевода войск на постой к богатым. Возмущение масс было настолько сильно, что префект (епарх) приказал выполнить их требование. Когда начали переводить войска, собрались все богатые и знатные города к Роману дуксу и просили его: «пусть прикажет твоя высота, сколько должен получать каждый из готов в месяц, чтобы, когда они войдут в дома имущих, не грабили, как они ограбили простых». «Он принял их просьбу и приказал им (воинам), чтобы они получали эсподу масла в месяц, двести литр дров, кровать и матрац на двоих»[6].

Возмущение было поднято «простыми из народа»—kutna damen ama, говорит летопись, но никак не диференцирует этого указания. Судя по тому, что подать была снята с «деревенских господ», следует предположить, что это был протест сельского населения, на котором осталась вся тяжесть натуральной повинности, постоя солдат и их грабежей[7]. Причастными были и ремесленники, городские «бедные», «малые», у которых воины располагались прямо в мастерских. Положение было настолько угрожающим, что правительство капитулировало; войско стали переводить на постой к «богатым». Оставаться в этом положении владельцы не захо-

[1] Ioshua, стр. 80.
[2] Iohannes Malala, ed. Dindorfus, 1831, S. 394.
[3] Стремление регулировать снабжение войск сказалось в законодательстве Анастасия. Cod. Just., ed. Krüger, XII, 37, 19, 1, S. 474.
[4] Ioshua, стр. 63. В Государственном Эрмитаже в Ленинграде имеется портретное изображение Ареобинда, раздающего деньги (Византийский отдел).
[5] Там же, стр. 84.
[6] Там же, стр. 85.
[7] Там же, стр. 86.

тели. Не имея возможности добиться изменения приказа епарха Каллиопы[1], они обратились к Роману с тем, чтобы он ограничил претензии своих солдат, на что дукс согласился. Для классового характера государства типично, что, когда дело коснулось владельцев, «богатых», сократить аппетиты войска нашли возможным, в домах же «бедных» им предоставляли бесчинствовать. Но интересно, что в этой попытке правительство проявило жалкое бессилие. Привыкшие к грабежам готы не спустили своему полководцу распоряжения, ограничивавшего их претензии. Они ворвались в дом, где он жил, намереваясь его убить: Роман спасся, убежав по крышам в другой дом. «С тех пор никто не смел им ничего сказать, они жили, где и как хотели»[2]. Положение коренного населения стало еще более тяжелым, так как в апреле (нисан) 506 г. высший византийский военачальник, magister militum, собрал в Эдессе все войска, подготовляя наступление на Иран. Солдаты квартировали не только в городе, но и во всех окрестных селениях и монастырях. В городе они бесчинствовали, пьянствовали, дрались, убивали друг друга, продолжали мучить, оскорблять, издеваться и увечить население[3]. Но терпение истощилось, и благонамеренный летописец с большим смущением сообщает о том, что горожане сделали нечто «недолжное». Зло было так велико, положение до того тягостно, «что те дерзкие, которые были среди эдесситов», осмелились на «нечто совсем неподобающее», так как ропот против магистра они записали в хартиях и «тайно вывесили в людных местах города»[4].

В городе, следовательно, существовала целая группа лиц, которые решились все неудовольствия против военачальника высказать в письменном виде. Они вывесили затем эти хартии, пергаментные свитки, на самых бойких местах, где обычно толпился народ. Это были своего рода прокламации. Некоторое сравнение может быть сделано со стишками на статуе императора, о которых сообщает Иоанн Лидийский.

Содержание хартий неизвестно. Магистр Целер не только «не рассердился» и «не разыскивал того, кто это сделал», но «приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу»[5]. Хроника Иешу Стилита уверяет, что он не сделал ничего по своей «мягкости», но нет сомнения, что он был напуган напряженным настроением города.

Писание и вывешивание грамот можно рассматривать, как действия тех же «простых из народа», под давлением которых епарх стал расквартировывать войска и у «богатых». Протест мог исходить от ремесленников, которых поддерживало сельское население, также затронутое постоем. Во всяком случае следствием всего этого был увод Целером войск из Эдессы. Насколько хорошо он запомнил данный ему урок и как опасался возмущения, говорит то, что, проходя с армией в конце 506 г. (ноябрь или декабрь) мимо Эдессы, он не решился войти в нее, боясь «ропота». Уговоры епископа убедили его смягчить свое настроение. Недовольство Целера, его обида, очевидно, требовали переговоров, которые и повел епископ. Тем не менее, в Эдессе Целер остался только три дня, а войско его прошло дальше, вовсе не заходя в город.

Очевидно магистром Целером и епархом Каллиопой было сделано соответствующее донесение в Константинополь, так как Анастасий прислал

[1] Ioshua, § 77.
[2] Там же, стр. 86.
[3] Там же, стр. 87.
[4] Там же, стр. 88.
[5] Там же, стр. 88.

им письмо, которое было «полно заботы и милости ко всей земле Месопотамской». Оно разрешало им снять подать с Месопотамии по своему усмотрению. Магистр и епарх решили сложить с амидян всю подать, а с эдесситов—половину, о чем сообщили им письменно. Это было тоже попыткой несколько успокоить возбужденный город и прилегавшую область.

«Забота и милость» Анастасия в отношении Месопотамии были в первую очередь вызваны стремлением восстановить платежеспособность области, разоренной войной, недородом и болезнями.

Одновременное существование рабства и колоната, засвидетельствованное Сирийским Законником, хрониками VI в., может служить иллюстрацией к словам Энгельса, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду»[1] и низводило его на уровень рабского. Способ отчисления податей и всякого рода повинностей, взимавшихся с сельского и городского населения, показывает метод работы «ведомства по ограблению своего собственного народа». Неудивительно, что в невыносимых условиях жизни, когда систематическое недоедание непосредственных производителей сменялось длительными периодами голода, а выжимание податей—изнурительными и разорительными войнами,—бурный натиск арабов веком позже не встретил сопротивления и был увенчан легкой и быстрой победой.

[1] Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 144, М. 1937.